

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Ф.Д. ДЖЕЙМС

Дитя
человеческое

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Серия «Ф.Д. Джеймс — королева английского детектива»

P.D. James
THE CHILDREN OF MEN

Перевод с английского *О.И. Климовой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Greene and Heaton Ltd. и Andrew Nurnberg.

Джеймс, Филлис Дороти.
Д40 Дитя человеческое : [роман] / Филлис Дороти Джеймс ;
[пер. с англ. О. И. Климовой]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 320 с. — (Ф. Д. Джеймс — королева английского детек-
тива).

ISBN 978-5-17-094136-0

1 января 2021 года. В этот день погиб человек, рожденный на Земле последним. Отныне человечество, потерявшее способность к размножению, обречено на вымирание.

Кровавая анархия...

Изохренная преступность...

И — как альтернатива грядущему хаосу — жесткая диктатура правителя Ксана Липпиата.

В руках Ксана спецслужбы и всемогущая полиция государственной безопасности.

Борьба с режимом невозможна. Однако двоюродный брат правителя, ученый Тео Фэрон, и его друзья из тайного общества «Пять рыб» намерены свергнуть диктатора.

Их козырь — ребенок. Ему предстоит стать новой надеждой человечества!

Читайте роман, который лег в основу сценария одноименного голливудского блокбастера Альфонса Куарона!

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© P.D. James, 1992
© Перевод. О.И. Климова, 2007
ISBN 978-5-17-094136-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Моим дочерям, Клэр и Джейн,
которые помогли мне*

КНИГА I

ОМЕГА

Январь — март 2021

Ω

Глава 1

Пятница, 1 января 2021 года

Сегодня, 1 января 2021 года, рано утром, а точнее — в три минуты пополудни, в возрасте двадцати пяти лет, двух месяцев и двенадцати дней в пьяной драке в пивной на окраине Буэнос-Айреса погиб последний человек, которому суждено было родиться на земле. Если верить первым сообщениям, Жозеф Рикардо умер так же, как и жил. Он не смог свыкнуться с исключительностью, если можно так выразиться, положения последнего из людей, чье рождение было официально зафиксировано для истории, причем исключительностью, на самом деле никак не связанной с его личными качествами. А теперь он мертв. Об этой новости здесь, в Британии, сообщили в девятичасовом выпуске новостей Государственной радиослужбы, но я услышал о ней случайно. Я уже почти собрался сделать первую запись в дневнике о последней половине своей жизни, как вдруг обратил внимание на часы и подумал, что неплохо было бы послушать радио. О смерти Рикардо упомянули в последнюю очередь, да и то лишь коротко, в нескольких предложениях, которые были произнесены диктором без эмоций, старательно безразличным голосом. Однако это сообщение послужило еще одним дополнительным оправданием того, чтобы начать дневник именно сегодня, в первый день нового года и в день моего пятидесятилетия. Мне в детстве нравилось это

Ф.Д. Джеймс

сочетание, несмотря на неудобство празднования дня рождения сразу после Рождества, ведь на оба торжества я получал всего один подарок.

Начиная писать, я полагал, что эти три события — Новый год, мой пятидесятый день рождения и смерть Рикардо — вряд ли послужат оправданием марания первых страниц нового дневника. Но я не остановлюсь, хотя бы для того, чтобы преодолеть собственное отчаяние. Если окажется, что писать не о чем, я стану описывать все подряд, а потом, если доживу до старости — на что может рассчитывать большинство из нас, ибо мы стали большими специалистами по продлению жизни, — я открою одну из припасенных впрок жестяных банок со спичками и разожгу свой собственный маленький костер тщеславия. Я не намерен оставлять дневник как свидетельство о последних годах жизни одного мужчины. Даже в своих самых эгоистичных мыслях я не способен настолько поддаться самообману. Да и какой особый интерес может представлять дневник Теодора Фэрона, доктора философии, члена совета Мертон-колледжа Оксфордского университета, историка, специализирующегося на Викторианской эпохе, разведенного, бездетного, одинокого, чье единственное притязание на то, чтобы войти в историю, основывается на том факте, что он приходится двоюродным братом Ксану Липпиату, диктатору и Правителю Англии? Во всяком случае, для этого никаких особых заслуг не требуется. По всему миру государства готовятся заложить на хранение документальные свидетельства для потомков, которые, в чем мы все еще изредка стараемся убедить себя, могут прийти нам на смену, или для существ с других планет, которые, приземлившись в этой зеленой безлюдной пустыне, вдруг захотят узнать, какая интересная жизнь бурлила здесь когда-то. Мы складываем на хранение наши книги и рукописи, картины великих художников, музыкальные инструменты и партитуры, памятники материальной культуры. Самые крупные библиотеки мира через

Дитя человеческое

сорок лет в большинстве своем останутся без освещения и будут опечатаны. Сохранившиеся здания будут говорить сами за себя. Мягкий камень Оксфорда вряд ли протянет больше двух веков. Уже теперь руководство университета спорит, стоит ли заново облицовывать осыпающиеся стены театра Шелдона. Но мне нравится представлять, как мифические существа приземляются на площади Святого Петра и входят в грандиозную безмолвную базилику, откликающуюся эхом из-под многовековой пыли. Поймут ли пришельцы, что это был величайший из храмов, воздвигнутых человечеством одному из его богов? Будет ли им любопытно узнать о происхождении этого божества, которому поклонялись с такой помпой и великолепием, будут ли они заинтригованы тайной его символа, одновременно столь простого — две скрещенные палки, повсеместно встречающиеся в природе, — и в то же время отягощенного золотом, усыпанного драгоценными камнями и великолепно украшенного? Или их ценности и их менталитет будут настолько чужды нашим, что их не тронет то, что поражало нас и внушало благоговейный трепет? Однако, несмотря на открытие — кажется, это было в 1997 году? — планеты, на которой, как сообщили нам астрономы, могла бы существовать жизнь, не многие из нас по-настоящему верят в пришельцев. Инопланетяне наверняка существуют. Конечно же, странно было бы предположить, что разумная жизнь могла зародиться и существовать лишь на одной маленькой планете в необъятной Вселенной. Но мы не доберемся до них, а они не прилетят к нам.

Двадцать лет назад, когда мир уже почти уверовал в то, что наш человеческий род навсегда потерял способность к воспроизводству, поиск последнего зафиксированного случая рождения человека превратился во всеобщую навязчивую идею, вопрос национальной гордости, международное состязание, в конечном счете столь же бессмысленное, сколь и энергично-издевательское. Чтобы факт рождения считал-

Ф.Д. Джеймс

ся официально признанным, необходимо было зарегистрировать его точное время. Это сразу выводило за рамки исследования часть представителей человечества, поскольку был известен лишь день, но не час их рождения, а потому с самого начала подразумевалось, хотя особо и не подчеркивалось, что результат поиска никогда не будет считаться окончательным. Почти наверняка последний рожденный на земле человек практически не замеченным проскользнул в этот равнодушный мир, где-нибудь в джунглях, в какой-нибудь примитивной хижине. Но через месяцы проверок и перепроверок таким человеком официально был признан Жозеф Рикардо, метис, незаконнорожденный, появившийся на свет в больнице Буэнос-Айреса в две минуты четвертого по Гринвичу 19 октября 1995 года. И как только результат был провозглашен, Рикардо получил возможность эксплуатировать свою известность так, как он это умел; мир же, словно вдруг осознав бесполезность затеи, потерял к нему всякий интерес. А теперь Рикардо умер, и я не уверен, что какая-нибудь страна захочет вытаскивать на свет других уже забытых кандидатов.

Нас приводит в отчаяние и деморализует не столько мысль о надвигающемся конце человеческого рода и даже не столько наша неспособность его предотвратить, сколько провал попыток обнаружить причину всего этого. Западная наука и западная медицина не подготовили нас к масштабу и унительности такой катастрофы. Человечество узнало множество болезней, не поддававшихся диагностике и лечению, одна из которых едва не уничтожила население двух континентов, пока сама не сошла на нет. Но в конечном счете мы всегда могли объяснить, почему так получалось. Мы давали названия вирусам и микробам, которые и сегодня донимают нас, к нашей большой досаде. Мы считаем личным оскорблением то, что они все еще внезапно нападают на нас подобно старым врагам, то и дело устраивая мелкие стычки и изредка одерживая над нами верх. Западная наука была

Дитя человеческое

нашим божеством. Она сохраняла, успокаивала, исцеляла, согревала, кормила и развлекала нас разнообразием своих возможностей, а мы чувствовали себя вправе критиковать и иногда отвергать ее, как люди всегда отвергали своих богов. Но при этом мы знали, что, несмотря на нашу ересь, это божество — наше творение и наша рабыня — все же станет заботиться о нас, предоставляя анестезию при боли, давая нам искусственное сердце, новые легкие, антибиотики, движущиеся колеса автомобилей и мелькающие кадры кино. Когда мы нажмем выключатель, свет наверняка загорится, а если нет — мы всегда сможем выяснить почему. Естественные и точные науки никогда не были моим коньком. Я мало разбирался в них в школе и не многим больше разбираюсь теперь, когда мне пятьдесят. И все же они — мое божество, даже если их открытия непостижимы для меня. И я разделяю разочарование тех, чей бог умер. Я хорошо помню слова одного биолога, произнесенные, когда наконец стало очевидным, что нигде во всем мире не осталось ни одной беременной женщины: «Нам, возможно, потребуется некоторое время, чтобы обнаружить причину этого всеобщего бесплодия». Мы потратили на это двадцать пять лет и уже не надеемся в этом преуспеть. Подобно распутнику, внезапно пораженному импотенцией, мы унижены, уязвлены в своей вере в себя. Несмотря на все наши знания, ум, силу, мы больше не можем делать то, что животные делают, вовсе не обладая разумом. Неудивительно, что мы одновременно боготворим их и ненавидим.

1995 год стал известен как год Омеги, и этот термин теперь универсален. Общественная дискуссия в конце 1990-х годов касалась вопроса о том, поделится ли открывшая лекарство от всеобщего бесплодия страна этим средством со всем миром и на каких условиях. Было признано, что противодействие глобальной катастрофе требует всеобщих объединенных усилий. В конце 1900-х мы еще говорили об Омеге, как говорят о заболеваниях, о сбое, который со временем будет

Ф.Д. Джеймс

диагностирован и исправлен. Ведь человек нашел средства лечения туберкулеза, дифтерии, полиомиелита и даже, в конце концов, хотя и слишком поздно, СПИДа. Но шли годы, а совместные усилия, направляемые Организацией Объединенных Наций, ни к чему не приводили. Решимость соблюдать полную открытость уменьшилась, исследования стали секретными, программы работ в разных странах вызвали настороженное, подозрительное внимание. Европейское сообщество действовало согласованно, не жалея для научных разработок средств и людских ресурсов. Европейский центр по изучению бесплодия человека близ Парижа считался одним из наиболее престижных в мире. Он, в свою очередь, сотрудничал с центром в Соединенных Штатах, работы которого носили более масштабный характер. Но межрасового сотрудничества не существовало: слишком заманчивой казалась награда. Условия, на которых секрет можно было бы с кем-то разделить, стали предметом страстных спекуляций и споров. В результате признали, что найденным средством придется поделиться: ни одна раса не вправе использовать это научное достижение втайне от остального человечества. Но на всех континентах мы наблюдали друг за другом сквозь национальные и расовые границы с подозрительностью и одержимостью, питаясь слухами и домыслами. Возродилось старое ремесло шпионажа. Отставные агенты выползли из своих уютных убежищ в Уэйбридже и Челтенхеме, чтобы обучить молодых своему профессиональному мастерству. Шпионаж, конечно, никогда не прекращался, даже после официального окончания холодной войны в 1991 году. Человечество слишком опьянено этой смесью подростковой романтики и взрослого вероломства, чтобы совсем забросить ее. В конце 1990-х бюрократия от шпионажа процветала, как никогда со времен холодной войны, создавая новых героев, новых злодеев, новые мифы. Мы особенно пристально следили за Японией, опасаясь, что эта страна, добившаяся поразительных успехов в

Дитя человеческое

развитии технологии, уже находится на пути к обнаружению ответа.

Десять лет спустя мы все еще наблюдаем за ней, но уже с меньшим беспокойством и без особой надежды. Шпионаж по-прежнему процветает, но с тех пор, как родилось последнее человеческое существо, прошло уже двадцать пять лет, и в глубине души мало кто из нас верит, что крик новорожденного ребенка когда-нибудь вновь раздастся на нашей планете. Наш интерес к сексу уменьшается. Романтическая и идеализированная любовь пришла на смену грубому плотскому удовольствию, несмотря на попытки Правителя Англии посредством национальных порномагазинов стимулировать наши слабеющие аппетиты. Но у нас есть заменители чувственных наслаждений, они доступны всем через Национальную службу здравоохранения. Наши стареющие тела поколачивают, гладят, ласкают, умащивают благовониями. Нам делают маникюр и педикюр, измеряют параметры тела и его вес. Леди-Маргарет-Холл стал массажным центром Оксфорда, и каждый вторник во второй половине дня я лежу здесь на кушетке и, глядя через окно на парк, за которым все еще ухаживают, наслаждаюсь предоставленным мне государством четко отмеренным часом баловства плоти. А как усердно, с какой навязчивостью пытаемся мы сохранить иллюзию если не молодости, то энергичного среднего возраста! Гольф стал теперь национальной игрой. Если бы не Омега, борцы за охрану природы наверняка выступили бы с протестом против того, что многие акры земли, подчас в самых живописных местах, уродуются и перекраиваются под все новые и новые поля для игры в гольф. Доступ на них бесплатный: это часть удовольствия, обещанного Правителем. Некоторые гольф-клубы стали привилегированными, не допуская нежелательных членов не путем запретов, что является незаконным, а с помощью тех тонких дискриминирующих сигналов, понимать которые в Британии учатся с детства даже наименее чувствитель-